

Хан Сычжоу едва не лопался от злости.

Как его — статного взрослого мужика — другой мужчина посмел назвать...

Да как у него только язык повернулся?! Это же уму непостижимо!

Сяо Хан посмотрел на бугорок под одеялом, в который сердито зарылся Хан Сычжоу, и на его губах сама собой появилась тёплая улыбка.

Столько лет прошло, а этот упрямец ни капли не изменился. Стоит лишь слегка задеть — и он тут же взрывается, как пороховая бочка.

Но улыбка Сяо Хана мгновенно угасла, когда его взгляд снова наткнулся на старый шрам на боку Сычжоу.

— Твой шрам... — нерешительно начал Сяо Хан.

— Какая ещё рана? — буркнул Сычжоу, плотнее кутаясь в одеяло.

— Да так, ничего, — Сяо Хан лишь покачал головой.

Старые травмы Сычжоу его не касались. Учитывая их нынешнее положение, расспрашивать о подобном было бы верхом бестактности.

Сяо Хан повернулся, собираясь уйти в ванную, но не успел сделать и пары шагов, как Сычжоу его окликнул:

— Ты завтра свободен?

Сяо Хан остановился.

— Что-то случилось?

Как бы Хан Сычжоу ни противился этому всей душой, ему всё же пришлось передать наказ матери:

— Моя мама зовёт нас на ужин. Сказала, что приготовит твой любимый гобаожоу.

— Разумеется, если ты занят, можешь не приходить, — тут же торопливо добавил он.

Без этого невыносимого наглеца он мог бы преспокойно забрать Сяо Чжихань и отлично провести время у матери.

— И я правда могу отказаться?

Сычжоу энергично закивал. И как бы он ни пытался скрыть свои чувства, в его глазах вспыхнула такая откровенная надежда, что не заметить её при ярком свете лампы было невозможно.

Сяо Хан усмехнулся про себя, и его взгляд потемнел.

— К несчастью для тебя, завтра я абсолютно свободен.

Радость, едва успевшая коснуться лица Сычжоу, мгновенно улетучилась. Он уставился на Сяо Хана, надув щёки от досады, всем своим видом выражая крайнее недовольство.

— К тому же я давно мечтал снова попробовать фирменное блюдо твоей мамы, — добавил Сяо Хан.

— Скажи ещё спасибо, что тебе так подфартило, — фыркнул Сычжоу.

Сяо Хан лишь неопределённо хмыкнул и скрылся за дверью ванной.

На следующий день учитель музыки внезапно перенёс занятие, поэтому Сяо Чжихань не смогла поехать с ними.

Госпожа Шэнь отнеслась к этому с полным пониманием:

— Для ребёнка учёба всегда на первом месте. А с бабушкой она ещё успеет навидаться, правда ведь?

— Полностью с вами согласен, — вежливо поддакнул Сяо Хан.

Глядя на то, как этот подхалим стелется перед его матерью, Сычжоу мысленно закатил глаза.

Когда они приехали, госпожа Шэнь уже накрыла на стол. Окинув взглядом блюда, Сычжоу заметил, что большинство из них были его любимыми, и лишь парочка предназначалась для Сяо Хана. Напряжение, сковывавшее его лицо всю дорогу, наконец спало. По крайней мере, мать всё ещё любила своего сына больше всех.

Но стоило им сесть за стол, как госпожа Шэнь сокрушённо вздохнула:

— Как жаль, что Ханьхань не пришла! Я ведь приготовила столько её любимых угощений... Всё впустую!

Занесённые над тарелкой палочки Сычжоу замерли в воздухе.

— Мама, вообще-то я это тоже люблю, — с каменным лицом проговорил он.

— Да? — Шэнь Миньюнь удивлённо моргнула, явно забыв об этом факте.

Сычжоу лишь молча вздохнул.

«Ну конечно. Стоит обзавестись детьми, как твоя собственная мать мгновенно превращается в бабушку твоего ребёнка, а о тебе и не вспомнит»

Тем временем Шэнь Миньюнь переключила всё внимание на Сяо Хана. Взяв общие палочки, она положила ему на тарелку щедрую порцию гобаожоу:

— А-Хан, угощайся, пока горячее. Остынет — будет совсем не то.

— Спасибо, мама, — с мягкой улыбкой ответил тот.

Сычжоу уныло уткнулся в свою тарелку.

«Прекрасно. Теперь она не только бабушка его дочери, но и тёща этого прохвоста. Кто угодно, только не его любящая мамочка»

Поворчав про себя, Сычжоу дождался, пока мать примется за еду, и решил завести разговор о предстоящем семейном шоу, в котором они с Сяо Чжихань собирались принять участие.

Передача «Отправимся в путешествие вместе» пользовалась бешеной популярностью в стране. Программа носила познавательный характер, и госпожа Шэнь сама частенько смотрела её по телевизору.

— А это не повредит её занятиям? — в голосе матери тут же прорезались нотки строгого завуча со стажем.

Шэнь Миньюнь родила Сычжоу поздно, за тридцать, и вот уже лет шесть как вышла на пенсию. Однако профессиональная деформация, похоже, не поддавалась влиянию времени.

Сычжоу, который с детства рос под этим неусыпным надзором, поспешил возразить:

— Мама, сколько лет Ханьхань? В её возрасте дети должны играть и веселиться, а не зубрить учебники сутками напролёт!

Хотя сам он никогда не блистал успехами в учёбе, а вечно занятая на работе мать не могла контролировать каждый его шаг, это не означало, что он рос в абсолютной свободе. Нагоняи, нотации и регулярное промывание мозгов доставались ему в полном объёме.

Госпожа Шэнь строго нахмурилась:

— Я просто слишком мало от тебя требовала, вот ты и вырос таким лоботрясом!

— Мама! — взмолился Сычжоу, бросая испуганный взгляд на Сяо Хана. Ну неужели нужно было позорить его при этом типе?

В разговор вмешался Сяо Хан:

— Съёмки в основном проходят с пятницы по воскресенье или понедельник. К тому же я уже переговорил с учителями в школе — они заверили, что Ханьхань без труда догонит программу.

Шэнь Миньюнь с одобрением кивнула и тут же с укором посмотрела на сына:

— Вот видишь! У А-Хана всегда всё под контролем, не то что у тебя. Столько лет прошло, а ума так и не нажил. Говорила я тебе — учиться надо было прилежнее!

Сычжоу оставалось лишь молча проглатывать обиду. Господи, ну когда же эта профессиональная привычка госпожи Шэнь наконец отправится на заслуженный покой?

Сычжоу не выдержал и покосился на Сяо Хана. Тот, как назло, тоже смотрел на него. В глубине его тёмных глаз плясали едва заметные смешинки — Сычжоу готов был поклясться, что этот мерзавец откровенно над ним потешается.

Сычжоу принялся с ожесточением тыкать палочками в свинину в своей тарелке, яростно представляя, что это глупая голова Сяо Хана и он проделывает в ней десяток лишних дырок.

Посреди ужина у Сяо Хана зазвонил телефон. Извинившись перед хозяйкой дома, он поднялся из-за стола и вышел на балкон. Звонил Фу Хаоянь.

— Брат Сяо! Тут у Цинцина сегодня около восьми вечера премьера фильма... Может, сходишь со мной за компанию? — затараторил Фу Хаоянь заискивающим тоном, к которому всегда

прибегал, когда ему что-то было нужно.

Сяо Хан оглянулся через плечо. Сквозь стекло он видел уютную гостиную, где Сычжоу о чём-то увлечённо переговаривался с матерью. Мягкий тёплый свет обволакивал их фигуры, создавая атмосферу искреннего семейного тепла.

Хоть госпожа Шэнь только что без конца ворчала на сына, в каждом её слове сквозила глубокая, нежная забота. Все эти годы Сяо Хан никогда не отказывался от приглашений на семейные ужины в этом доме — в основном потому, что здесь он мог почувствовать это редкое тепло.

— Сегодня не получится, — негромко ответил он в трубку.

— Ну пожалуйста, брат Сяо! Выручи друга всего один разок! — взмолился Хаоянь.

Сяо Хан отвёл взгляд от уютной гостиной и посмотрел на темнеющий горизонт.

— Цзин Цин работает в твоём агентстве уже пять лет, верно?

— Ну... да, — растерялся собеседник.

— Насколько я помню, срок его контракта истекает в конце этого года. С его нынешним статусом кинозвезды от предложений из других агентств отбоя не будет.

— Эй, ты на что это намекаешь? Друг называется! — обиженно протянул Хаоянь.

— Именно потому, что я твой друг, я это и говорю, — серьёзно произнёс Сяо Хан. — Если ты так и не научишься делать первый шаг, между вами ничего и никогда не изменится.

Эти слова задели Фу Хаояня за живое, и он тут же пошёл в контратаку:

— А сам-то? Вы с Хан Сычжоу топчетесь на одном месте уже столько лет, и я что-то не припомню, чтобы ты проявлял хоть какую-то инициативу!

Обычно при упоминании Сычжоу Сяо Хан сразу переводил разговор на другую тему. Но на этот раз он лишь загадочно усмехнулся:

— И как ты думаешь, где я сейчас?

— Ужинаю в гостях у тёщи.

— Чего?! — опешил Хаоянь.

За все годы их знакомства Сяо Хан впервые назвал мать Хан Сычжоу «тёщей» и открыто признался, что находится у них в гостях.

— Вы с Сычжоу... неужели у вас там снова вспыхнула страсть?

Сяо Хан лишь улыбнулся:

— Всё, мне пора.

И, не обращая внимания на вопли друга, сбросил вызов.

Он уже потянулся к ручке стеклянной двери, чтобы вернуться в комнату, когда изнутри донёлся голос госпожи Шэнь.

— Сычжоу, пока А-Хан был здесь, мне неудобно было спрашивать. Вы ведь поговорили с Ханьхань насчёт этого шоу? Она сама-то согласна ехать?

Рука Сяо Хана замерла на полпути к ручке. Сделав шаг назад в тень балкона, он решил повременить с возвращением. Вечерний воздух снаружи был тих и неподвижен, а мать с сыном говорили в полный голос, так что каждое слово отчётливо доносилось до его слуха.

— Конечно согласна, — уверенно произнёс Сычжоу.

— Откуда в тебе такая уверенность? — поинтересовалась мать.

— На самом деле я согласился на участие в основном ради неё.

Сычжоу вкратце пересказал матери их недавний разговор с дочерью во время просмотра шоу.

Его признание, очевидно, затронуло какие-то струны в душе Шэнь Миньюнь. Её взгляд смягчился.

— Да, ты прав... Каким бы самостоятельным ни казался ребёнок, в глубине души он всегда хочет проводить время с родителями, путешествовать вместе с ними, — она вздохнула, уносясь мыслями в прошлое, и с тихой грустью посмотрела на сына. — Прости меня, Сычжоу. Из меня ведь тоже не вышло хорошей матери. Тебе пришлось через столькое пройти в одиночку...

— Всё в порядке, мама, — Сычжоу опустил глаза, мягко перебивая её. — Я ведь вырос вполне нормальным человеком, разве нет?

Прошлого уже не вернуть. Самое главное сейчас — не повторять старых ошибок и сделать так, чтобы Ханьхань не пришлось пережить то же гнетущее одиночество, которое когда-то перенёс он сам.

— Я просто хочу, чтобы она была счастлива.

Сяо Хан так и стоял на балконе, не шевелясь. Лишь когда госпожа Шэнь заволновалась: «Что-то А-Хан заговорился, так ведь и ужин остынет», он наконец вышел из тени и распахнул стеклянную дверь.

— У меня что-то на лице? Чего ты уставился? — недовольно спросил Сычжоу.

С тех пор как Сяо Хан вернулся с балкона, он вёл себя странно, то и дело бросая на него непонятные, глубокие взгляды. Сычжоу старался не обращать внимания, но под этим пристальным прищуром его кожа буквально зудела от неловкости. Дождавшись, пока мать отойдёт к буфету положить ещё риса, он не выдержал и зашипел на своего спутника.

Сяо Хан промолчал. Опустив взгляд, он подцепил палочками самый сочный и аппетитный кусок гобаожоу и бережно переложил в тарелку Сычжоу.

Сычжоу от удивления вылупил глаза:

— Ты совсем обалдел? Тут же лежат общие палочки! Соблюдай хоть какие-то правила гигиены, чёрт тебя дер!

Сяо Хан лишь снисходительно хмыкнул:

— После всего, что между нами было, ты брезгуешь моими палочками?

Сычжоу готов был взорваться на месте, но тут к столу вернулась улыбающаяся Шэнь Миньюнь, и ему пришлось прикусить язык. Стиснув зубы и мысленно пообещав себе придушить наглеца при первой же возможности, он безропотно отправил злосчастный кусок мяса в рот.

После ужина госпожа Шэнь засобиравлась на улицу — ей нужно было забрать какую-то посылку. Она попросила их немного подождать её возвращения.

Едва за дверью щёлкнул замок, как Сычжоу тут же дал волю гневу и нанёс Сяо Хану ощутимый удар кулаком в спину:

— Ещё раз устроишь подобный цирк перед моей матерью — пожалеешь!

Выдав эту грозную тираду, он обошёл замершего мужчину и решительно направился на кухню.

Сяо Хан обернулся и заглянул вслед за ним.

Этот изнеженный, капризный молодой господин, который палец о палец никогда дома не ударял, сейчас стоял у раковины с засученными рукавами и действительно мыл посуду.

Впрочем, делал он это явно впервые в жизни. Хан Сычжоу неловко возился с губкой, то и дело роняя мыльную пену, но, сколько бы он ни тёр тарелку, жирное пятно упорно не желало отмыться.

Промучившись безрезультатно ещё пару минут, Сычжоу собрался было потянуться за сухим полотенцем, но, обернувшись, наткнулся на Сяо Хана. Тот, привалившись плечом к дверному косяку, скрестил руки на груди и молча наблюдал за его жалкими потугами.

«У него точно крыша поехала. Что за дурацкая привычка пялиться без остановки?»

— Чего вытаращился? — вспыхнул Сычжоу. — Посуду никто при тебе никогда не мыл?

— Насколько я помню, кое-кто хвастался, — протянул Сяо Хан с нескрываемой издёвкой в голосе, — что настоящие мужчины посуду не моют.

— Заткнись! Молчи, за умного сойдёшь! — взвился покрасневший от злости Сычжоу.

В обычные дни после такой колкости Сяо Хан либо отпустил бы едкое замечание в ответ, либо просто ушёл. Но сейчас он продолжал стоять на месте, не сводя глаз с порозовевшего лица Сычжоу.

Его забавляло, как этот грозный, крикливый «настоящий мужик» с неуклюжими порывистыми движениями стремительно заливался краской смущения. Белая кожа ушей Сычжоу на глазах окрасилась в нежный розоватый оттенок.

Сяо Хан опустил руки и неторопливо расстегнул запонки на запястьях.

— Т-ты чего задумал? — насторожился Сычжоу. Заметив, как Сяо Хан не спеша закатывает рукава рубашки и шагает к нему, он, словно напуганный уличный кот, испуганно отпрянул назад.

Сяо Хан спокойно подошёл к раковине, достал из мыльной воды губку и, поймав на себе

ошеломлённый взгляд Сычжоу, негромко произнёс:

— Давай помогу.

<http://bllate.org/book/18323/1756538>